

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

Выпуск 33(49)
2014

СОДЕРЖАНИЕ

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС КАК СЛЕДСТВИЕ
ПРОТИВОБОРСТВА ПАГУБНОГО ТРИУМФАЛИЗМА
И СИНДРОМА «СТАРШЕГО БРАТА»

Руслан Гринберг

ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ – ЕС:
ВМЕСТО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА –
ХОЛОДНАЯ ВОЙНА?

Юрий Борко

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА – ПРИДНЕСТРОВЬЕ –
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Алла Язькова

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
И НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА
НА ПОСТЪЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
1992–2014 гг.

Сергей Романенко

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС КАК СЛЕДСТВИЕ ПРОТИВОБОРСТВА ПАГУБНОГО ТРИУМФАЛИЗМА И СИНДРОМА «СТАРШЕГО БРАТА»*

Руслан Гринберг,

директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН

Еще двадцать лет назад многим из нас казалось, что окончание холодной войны избавит мир не только от ядерной угрозы, но и от конфликтов и кризисов, подрывающих устои международной безопасности. Реальность оказалась другой. Со всем уже забытая в перестроечной эйфории геополитика возвратилась, причем возвратилась в своем самом отвратительном виде с информационными войнами и взаимными угрозами. Украинская драма, если не сказать трагедия – явное тому подтверждение. «Общечеловеческие ценности» и «новое мышление», предложенные миру М. Горбачёвым в конце 80-х годов прошлого века, кажется, окончательно канули в Лету.

Объявив себя после распада СССР победителем в холодной войне и взяв на себя ответственность за глобальное управление, Запад в целом и США в частности, как это обычно и происходит со всякого рода монополистами, поддались искушению вседозволенности и стали действовать на мировой арене, не особенно считаясь с интересами других субъектов мировой политики. Международное право как универсальный регулятор отношений между государствами отнесено на второй план. Сила права заменяется правом силы.

Триумфализм США и неизбежный российский синдром «старшего брата» столкнулись в схватке за Украину, от которой та и другая стороны потребовали однозначного ответа на экзистенциальный вопрос в советском духе «с кем вы, мастера культуры?»

Восприняв отказ В. Януковича подписать соглашение об ассоциации с ЕС как свое геополитическое поражение и как выигрыш РФ, Вашингтон и Брюссель сделали все для того, чтобы на Украине к власти пришли люди, которые безоговорочно возьмут прозападный курс и полностью откажутся от ориентации на Россию. Удавшийся февральский государственный переворот в Киеве не случайно был назван некоторыми российскими политологами «геополитической катастрофой России». Так, с этого момента политическая ситуация на Украине стала развиваться вне правового поля.

Россия приняла вызов. Действия Запада на Украине были расценены в Москве как переход «красной черты» и не остались без решительного ответа с ее стороны. На основе волеизъявления жителей Крыма в ходе проведенного референдума, когда 96% принявших в нем участие проголосовали за вхождение в состав России, полуостров был включен в Российское государство. Поскольку проведение референдума в Крыму противоречило Конституции Украины, естественно было ожидать, что новая власть в Киеве, как, впрочем, и почти весь остальной мир, объявят его незаконным.

Как бы то ни было, присоединение Крыма к России означало ее отказ от ранее взятого обязательства гарантировать территориальную целостность Украины. Так что и здесь в очередной раз возобладала политическая целесообразность и вновь было подтверждено, что великие вопросы национального бытия народа решаются не с помощью международного права, а «железа и крови», как говорил когда-то Бисмарк. Вот уж поистине прав Гегель, заметивший, что «история учит только тому, что ничему не учит».

Нельзя не видеть, что динамика украинского кризиса ставит Россию в весьма сложное положение. В каком-то смысле Запад достиг своей стратегической цели. Установившееся враждеб-

* Содержание статьи совпадает с публикацией в издании «Ведомости» (от 06.06.2014). Статья публикуется с разрешения автора.

ное противостояние между РФ и Украиной сохранится, видимо, на долгие годы, что исключает их объединение в рамках каких-либо постсоветских интеграционных союзов. Только что созданный Евразийский экономический союз даже при условии его успешного развития явно не будет таким мощным, каким мог бы быть, имея в своем составе украинское государство.

Так что же Россия потеряла и что приобрела в ходе непрекращающейся украинской смуты? Во-первых, она получила Крым, но потеряла Украину. Во-вторых, украинский кризис обнажил всю глубину противоречий между Россией и Западом, в первую очередь между РФ и США, и продемонстрировал полный провал политики перезагрузки. Собственно, это было очевидно и раньше, но украинский кризис все расставил по своим местам. Скорее всего, под влиянием событий на Украине строительство нового мирового порядка потерпит серьезную трансформацию. В первую очередь, это приведет к утверждению многополярности, с которой США и Запад в целом должны будут смириться. Но это произойдет не сразу. Скорее всего, нам придется жить в условиях, по точному выражению директора Института США и Канады академика С. Рогова, «многополярного хаоса» со всеми вытекающими отсюда непредсказуемыми последствиями. Напряженность между РФ и США будет длиться, видимо, достаточно долго, и нельзя исключать возникновения, так сказать, второго издания холодной войны, т.е. глобального противостояния. Но в отличие от советского времени ресурсов для ведения такой войны у России маловато, вот почему последствия для нее в этом случае могут быть весьма тяжелыми.

Наконец, в-третьих, необходимо сопоставлять вытекающие из украинского хаоса шансы и риски применительно к внутренним экономическим и политическим процессам. Что касается экономики, то теперешнее охлаждение отношений с Западом может оказать на нее противоречивое воздействие. С одной стороны, появляются некоторые возможности для импортозамещающей политики и вообще облегчаются условия для перехода от риторики к практическим действиям в решении неотложной задачи новой индустриализации страны. С другой – здесь нельзя не считаться с вполне вероятной

перспективой наращивания негативных для нас эффектов от западных санкций в области финансов и торговли. В политической же сфере в случае сознательной политики изоляционизма следует опасаться укрепления авторитарных начал в управлении страной, которая достойна лучшей судьбы, чем возвращение в «прекрасное прошлое».

Пока же приходится констатировать, что став яблоком раздора, Украина в своем падении дна, похоже, еще не достигла. Ужасно грустно, что в растерзанной стране продолжается поляризация политических сил, разрушаются институты государственного управления, усиливается радикализация настроений участников внутригосударственного конфликта, сохраняется опасность полномасштабной гражданской войны и угроза распада страны. Между тем опыт урегулирования балканского кризиса говорит о том, что избежать гражданской войны можно только путем переговоров между сторонами – участниками конфликта. Никто другой этого сделать не сможет.

В любом случае текущая ситуация требует от Москвы крайней осмотрительности и сдержанности в ее политике на Украине. Ни в коем случае нельзя поддаваться соблазну встать на путь «собираения русских земель», о чем любят рассуждать российские ура-патриоты. Такая политика ничего кроме бед отечеству не принесет.

Для меня очевидно, что реально помочь Украине экономически и политически можно только сообща, т.е. на путях восстановления доверия в треугольнике Запад – Украина – Россия. Шансы для этого еще не утрачены. В общем, I have a dream. Все явные и неявные участники конфликта должны отказаться от игры с нулевой суммой. Это означает, что Украина проводит честные, прямые и конструктивные переговоры всех сторон внутригосударственного противоборства в целях достижения компромисса интересов в пределах единого украинского государства, а Россия, США и ЕС гарантируют ему внеблоковый статус и координированно оказывают попавшей в беду стране массивную экономическую поддержку.

ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ – ЕС: ВМЕСТО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА – ХОЛОДНАЯ ВОЙНА?

Юрий Борко,

*профессор, почетный президент Ассоциации европейских исследований (АЕВИС),
главный научный сотрудник Института Европы РАН*

24 июня 2014 г. минуло 20 лет с того дня, когда на острове Корфу было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейским союзом и тем самым с его государствами-членами – с другой. В последующие три года автор данного текста опубликовал несколько статей и докладов, рассмотрев в них четыре предполагаемых сценария их будущих отношений: полная интеграция, включая вступление России в ЕС; союз (позже этот сценарий получил название стратегического партнерства); «холодный мир», или прагматическое сотрудничество; конфронтация¹. Умозрительно, первый сценарий был очень привлекательным, однако по ряду причин он был неприемлем для Евросоюза и в политическом плане не соответствовал интересам России, а из остальных трех – наименее вероятным представлялось противостояние. Как полагал автор, реальный путь развития отношений между Россией и Евросоюзом будет пролегал в коридоре, образуемом двумя средними сценариями.

В целом эти отношения так и развивались – по синусоиде между прагматическим сотрудничеством и стратегическим партнерством. Различие между этими сценариями состояло в том, что стратегическое партнерство, предложенное Евросоюзом и принятое Россией в 2000 г., предусматривало приверженность обеих сторон ос-

новным ценностям и принципам, зафиксированным в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), Парижской хартии для новой Европы и ряде других документов, причем приверженность не декларативную, а реализуемую в экономической и политической жизни. Естественно, этот сценарий предполагал такую степень обоюдного доверия и взаимопонимания, которая позволяет принимать и осуществлять долгосрочные программы сотрудничества, охватывающие важнейшие сектора экономики, а также сферу внешней политики и безопасности.

Развитие России и стран Евросоюза в первой декаде XXI в. очень быстро выявило факторы фундаментального характера, препятствующие реализации этого сценария, а именно: экономические и политические системы партнеров не сближаются, а эволюционируют в расходящихся направлениях. На экспертном уровне как в странах Евросоюза, так и в России несовместимость императивов стратегического партнерства и реального состояния их отношений была признана еще до Кавказского кризиса в августе 2008 г. Военное вмешательство России в конфликт между Грузией и «мятежными» республиками, Южной Осетией и Абхазией, было категорически осуждено Евросоюзом. И все же он не пошел на конфронтацию с Россией, а предпочел миссию посредника, что помогло восстановить на Кавказе ситуацию «замороженного» конфликта. В дальнейшем вплоть до весны 2014 г. отношения Евросоюза и России носили амбивалентный характер: высокая степень экономической взаимозависимости и близкие позиции в некоторых вопросах внешней политики и безопасности требовали систематического сотрудничества на прагматической основе, а его важность и постоянство служили основанием для

¹ Борко Ю. Россия и Европейский союз преодолевают старые страхи // Сегодня, 19.08.1995; Вступая в XXI век: сценарии будущих отношений между Россией и Европой // Борко Ю. Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия. М.: ИНИОН. РАН, 1997. С. 11–56; Boroko Yu. Russland und die Europäische Union: Perspektiven der Partnerschaft // Berichte des Bundesinstitutes für ostwissenschaftliche und internationale Studien, N. 36. Köln, 1996. – 40 S.

публичных заверений с обеих сторон, что они считают себя стратегическими партнерами¹.

Однако события последних месяцев, особенно глубочайший внутренний кризис в Украине и присоединение Крыма к России, настолько круто изменили ситуацию, что отношения России и ЕС впервые за 20-летие нельзя оценить иначе как конфронтацию, побуждающую вспомнить забытые времена холодной войны.

Начало нового поворота в сторону ухудшения отношений между Евросоюзом и Россией не было связано с Украиной. Его непосредственной причиной стала череда событий в политической жизни России, уложившихся в период с сентября 2011 по май 2012 г. Состоявшаяся 6 мая массовая манифестация оппозиционно настроенных граждан завершилась их разгоном и избиением «стражами порядка». В постсоветской истории страны началась новая глава – пробуждения гражданского общества, вступившего в противостояние с государством. Власти вместо диалога с оппозицией избрали путь репрессий. Если до этих событий адресуемые Москве призывы Евросоюза к развитию демократии и соблюдению прав человека носили, по сути, ритуальный характер, то теперь они сменились публичной критикой антидемократических действий российских властей. Это резко охладило климат отношений на верхнем уровне, что тут же негативно сказалось на обсуждении других актуальных и спорных вопросов в отношениях России и ЕС – в торговле, инвестициях, энергодиалоге, визовом режиме и т.д. Но худшее было впереди.

В конце 2013 г. возник и поныне продолжается острейший конфликт, участниками которого являются Украина, Россия и Евросоюз. Он порожден взаимодействием трех факторов – глубоким внутренним кризисом в Украине, принятой в 2008 г. Евросоюзом программой Восточного партнерства (ВП) и прогрессирующим расхождением векторов развития и политики России и ЕС.

Ключевым из них является кризис в Украине, ставший итогом длительной антинародной и антинациональной политики ее правящих кругов. К моменту распада СССР производство ВВП на душу населения в Украине составляло примерно 75% от российского уровня и находилось на одном уровне с Польшей; в 2013 г., согласно

данным МВФ, Украина отставала по этому показателю от России в 2,4 раза, от Польши – в 3 раза. Модернизация экономики, по сути, не начиналась. Финансовая система страны находится в перманентно преинфарктном состоянии. Другой удручающий итог состоит в том, что за 20 с лишним лет ведущие политические партии так и не пришли к согласию в том, что необходимо делать для развития национального самосознания и сближения на этой основе населения, проживающего в западных, восточных и южных областях страны. Внутренняя нестабильность Украины уже давно стала раздражителем для соседей – России и ЕС.

Очевидно, это учли и авторы программы ВП, предложенной Украине, Беларуси, Молдове, Азербайджану, Армении и Грузии. Им было обещано содействие реформам и развитию в обмен на принятие ими европейских моделей экономических и политических систем. В международном экспертном сообществе существует точка зрения, согласно которой эта программа является экспансионистской. Место территориальной экспансии заняла экспансия европейских ценностей и принципов устройства общества и государства, но конечная цель осталась прежней – установить или укрепить доминирующее влияние Европы в соседних регионах. В этом смысле программа ВП действительно была рассчитана на то, что с Брюсселем будут сотрудничать проевропейские правительства названных стран, и в перспективе ЕС станет их главным и самым влиятельным партнером.

В принципе Россия могла бы возглавить процесс сближения большинства стран СНГ с Евросоюзом. Принятая в начале 2000-х годов концепция стратегического партнерства и строительства четырех общих пространств России и ЕС была гораздо более продвинутой программой, чем проект ВП, предложенный упомянутой «шестерке». Но, как мы знаем, находясь в ситуации исторической развилки, российское руководство избрало тогда иной путь – строительство «вертикали власти», свертывание демократии, государственное «рейдерство» (арест М. Ходорковского и «дело Юкоса»), курс на первоочередное развитие сырьевой экономики. В контексте этой политики программа ВП воспринималась в Москве как «вызов», которому надо противодействовать всеми силами и средствами.

Фактически роль такого «вызова» сыграл саммит участников ВП в ноябре 2013 г. Его апофеозом должно было стать подписание Соглашения об ассоциации Украины и ЕС, включая созда-

¹ Подробный анализ развития отношений между Россией и Евросоюзом см. в статье: Борко Ю.А. Россия – Евросоюз: состоялось ли стратегическое партнерство? // Современная Европа, 2014. № 2. С. 19–30.

ние общей зоны свободной торговли. Сверх того намечалось парафировать соглашения об ассоциации ЕС с Арменией, Грузией и Молдовой, а также договориться о подготовке соглашения об ассоциации между ЕС и Азербайджаном. Выполнение этой повестки было бы воспринято во всем мире как триумф Евросоюза и поражение России. Но триумф не состоялся, так как за неделю до открытия саммита украинский президент В. Янукович объявил, что подписание не состоится и переносится на «близкое будущее». К тому же, от соглашения об ассоциации с ЕС отказалась Армения, заявившая незадолго до саммита о предстоящем присоединении к Таможенному союзу России, Казахстана и Беларуси. В итоге Вильнюс стал местом крупной неудачи восточной политики ЕС, хотя победой России это тоже не назовешь.

Победителей в этой истории нет, потому что решение В. Януковича сыграло роль детонатора глубочайшего политического кризиса в Украине. Помимо тех экономических и политических истоков кризиса, о которых сказано выше, были две конкретные причины всеобщего возмущения и протеста. Во-первых, за три года правления В. Януковича были побиты все рекорды воровства, коррупции и беззакония, и сам президент не вызывал у большинства украинцев никаких иных чувств, кроме отвращения и ненависти. Во-вторых, отказ президента от подписания соглашения с ЕС был шоком для значительной части населения, воспринимавшей лозунг «В Европу» как воплощение мечты об ином образе жизни, о более высоких ее стандартах. Ответом украинскому президенту стал киевский Евромайдан как оплот двух противостояний: президенту и правительству противостояла проевропейски настроенная политическая оппозиция, власти в целом противостоял народ. Первое из них завершилось подписанием 21 февраля 2014 г. соглашения, предусматривавшего досрочные выборы нового президента страны в конце того же года. Но оно не прожило и суток. Под влиянием окрепших в батальных с властями праворадикальных сил Евромайдан отверг компромиссное соглашение и потребовал не только отставки президента, но и его ареста с последующим преданием суду. Ночью В. Янукович бежал из страны и, как вскоре выяснилось, нашел прибежище в России. 22 февраля Верховная рада отстранила его от занимаемой должности, временно исполняющим обязанности президента был избран ее председатель Владимир Турчинов, а премьер-министром – Арсений Яценюк.

Этим событием завершилась первая фаза политического кризиса в стране. Какой была бы вторая, не вмешайся Россия, мы можем только гадать. Новые руководители в первых же своих заявлениях оповестили мир о том, что они готовы подписать соглашение об ассоциации с ЕС. В свою очередь, Евросоюз немедленно признал легитимный характер перемен в Киеве и выразил готовность к сотрудничеству с новым руководством страны. Москва ответила контрдействиями, ошеломившими весь мир. 1 марта президент В. Путин получил официальное разрешение Совета Федерации на использование российских войск на территории Украины. 25 марта вступил в силу принятый Государственной думой и подписанный президентом закон о принятии в состав РФ Автономной Республики Крым и города Севастополь.

В нашей стране и за рубежом были изложены разные версии мотивов, побудивших В. Путина пойти на этот шаг. Рассмотреть их в рамках этой статьи невозможно. Поэтому ограничусь изложением моей версии, учитывающей ход событий с начала марта по начало июня 2014 г. На мой взгляд, российский президент решил по максимуму использовать ситуацию глубокого внутреннего раскола, политического кризиса, экономической несостоятельности и крайней слабости государства в Украине. «Возвращение» (а в понятиях современного международного права – аннексия) Крыма было лишь первым шагом в осуществлении плана отделения от Украины восточных и южных областей, в которых большинство или до половины населения были этническими русскими и русскоговорящими неукраинцами. В прессе, в том числе ссылаясь на анонимные источники, перечислялись семь областей – Харьковская, Луганская, Донецкая, Запорожская, Николаевская, Херсонская и Одесская – с общей численностью населения в 16 млн человек. Косвенным подтверждением этой версии может служить то, что происшедшая 22 февраля смена власти в Украине была официально квалифицирована в Москве как государственный переворот, а легитимным президентом страны до 25 мая оставался В. Янукович. Кстати сказать, в марте и апреле ему несколько раз была предоставлена возможность публично заявить, что он по-прежнему считает себя действующим президентом и собирается вернуться в свою страну. О многочисленных конфликтных, зачастую трагических, событиях, происходивших в эти месяцы в названных областях, известно многое по факту, хотя кем и с какой целью они были

инициированы – выяснять придется долго. Но в этих случаях подойти ближе к ответу помогает знаменитый вопрос, который задавал некогда римский консул Луций Кассий Лонгин Равилла: *Cui bono? Cui prodest?* (Кому хорошо? Кому выгодно?). Кому выгодны углубление раскола, рост напряженности и нестабильности в Украине? Очевидно, не тем, кто заинтересован в укреплении согласия, единства и целостности Украины.

Непосредственным и важнейшим следствием российской операции «КрымНаш» стала интернационализация украинского кризиса. С одной стороны, помимо вмешавшейся в него России, его прямыми участниками стали Евросоюз и США, активно выступившие в защиту Украины и оказавшие ей значительную экономическую и финансовую поддержку. С другой стороны, впервые за послевоенную историю одно из крупнейших государств – членов ООН аннексировало часть территории другого государства-члена. И то, что это государство является постоянным членом Совета Безопасности и обладает вторым по своей мощи ракетно-ядерным потенциалом, лишь подчеркнуло масштаб угрозы нормам международного правопорядка и межгосударственных отношений, утвердившимся после Второй мировой войны и распада колониальной системы. Восстановление этих норм на территории Украины и преодоление на этой основе ее внутреннего кризиса стало важным условием сохранения и укрепления цивилизованной системы международных отношений.

Евросоюз, США и входящие в «семерку» (G-7) Япония и Канада ответили на действия России санкциями. Некоторые из них уже действуют. ЕС «заморозил» почти законченные переговоры об облегчении визового режима с Россией, а также о новом соглашении о партнерстве и сотрудничестве. Был отменён намеченный на июнь саммит ЕС – Россия. Государства, входящие в G-7, отказались от участия в намеченном на июнь саммите Группы, где в роли хозяйки и председателя должна была выступать Россия. Эти действия чувствительны для России в политическом и имиджевом плане, но главной угрозой для нее являются экономические санкции, которые были предусмотрены на тот случай, если российские войска вторгнутся в Восточную или Южную Украину. Санкции могут нанести чувствительный ущерб ряду важных секторов российской экономики – финансам, банковскому, внешнеторговому и энергетическому секторам, космической, авиационной и военной промышленности. Эти санкции хранятся в запасе, но уг-

роза их применения уже дала отрицательный эффект. Отток капитала из России растет: в 2013 г. он прогнозировался в размере 30 млрд долл., а фактически достиг 60 млрд; в этом году только за 1-й квартал из страны ушло от 50 до 63 млрд долл., а за год ожидается 120–150 млрд. Эти цифры в большой степени объясняют вялое состояние российской экономики. В прошлом году ВВП вырос на 1,3%, вместо прогнозируемых 3,6–3,7%; прогноз на 2014 г. – от 0 до 1%. По мнению бывшего министра финансов А. Кудрина, нынешний год «станет наихудшим для России с начала 2000-х».

7 мая в Москву неожиданно прибыл председатель ОБСЕ Дидье Буркхальтер, но, возможно, важнее было то, что он является президентом Швейцарии. После беседы с ним наедине президент В. Путин провел пресс-конференцию, изложив журналистам новый план преодоления политического кризиса в Украине. В нем было четыре пункта: назначенный на 11 мая референдум о самоопределении Донецкой и Луганской «народных республик» откладывается на неопределенное время; Киев прекращает военные действия в этих областях и вступает в диалог с ними по вопросам взаимоотношений между центральной властью и регионами; Россия отводит свои войска от границы с Украиной; при этих условиях назначенные на 25 мая выборы украинского президента будут рассматриваться в Москве как «шаг в правильном направлении».

Что побудило В. Путина изменить взгляд на ситуацию в Украине и, соответственно, на цели и методы украинской политики России? Экономическая ситуация в собственной стране и масштаб ущерба, который причинят ей санкции? Или то, что пророссийским «сепаратистам» удалось взять под контроль лишь две области, которые сами по себе, без присоединения пяти приморских областей Украины, даром не нужны России? Или, может быть, причины, о которых знают только собеседники; знают, но молчат? Так или иначе, но заявление В. Путина мгновенно облетело мир и было с удовлетворением воспринято в западных столицах.

За минувший после него месяц произошло многое. Референдумы в двух областях все-таки состоялись. Они даже объединились, присвоив себе провоцирующее название – Новороссия. Была предпринята попытка направить в Москву официальное послание с просьбой о принятии в состав Российской Федерации. Никакой информации о ее судьбе не появилось, и вообще эта тема российскими СМИ забыта. Содержание и

тональность сообщений об украинских делах изменились в лучшую сторону, хотя до приемлемого и вызывающего уважение уровня объективности наши СМИ пока не дотянулись. В целом, как сегодня видится, заявление В. Путина положило начало деэскалации напряженности на всех осях взаимодействия заинтересованных сторон, кроме одной – между киевской властью и донецко-луганскими сепаратистами. Деэскалации медленной и не прошедшей точку невозврата, в первую очередь, по этой причине, также потому, что, несмотря на отвод российских войск от границы, через нее анонимными снабженцами непрерывно поставляется местным ополченцам оружие. Тем не менее главным событием мая стали выборы президента Украины, состоявшиеся в назначенный день и в 22 областях из 24. В них участвовали 60% избирателей, победивший на них Петр Порошенко набрал более 54%, и легитимность выборов не была оспорена ни одним государством – членом ООН и ни одной международной организацией. Не оспорил их и президент В. Путин.

По-видимому, его сдержанная позиция побудила западных лидеров к тому, чтобы перейти от состоявшихся в мае телефонных разговоров к возобновлению личных встреч. Лучшего повода для такой встречи, чем празднование 70-летия со дня высадки англо-американского десанта в Нормандии, трудно было найти. В ходе своего пребывания в Нормандии Владимир Путин имел четыре встречи: более обстоятельные – с Франсуа Олландом и Дэвидом Кэмероном; две короткие – с Баракком Обамой и Петром Порошенко. О содержании разговора с британским премьером можно судить по его комментариям к решениям состоявшегося 4 июня саммита G-7. «Мы были убеждены в том, – заявил он, – что продолжение дестабилизации восточной Украины неприемлемо...

президент Путин должен признать законность выборов президента Порошенко, прекратить поставку оружия через границу, а также... поддержку сепаратистских групп... если это не произойдет, секторные санкции неотвратимы»¹.

Дэвид Кэмерон традиционно выступает как один из самых жестких критиков политики российского руководства. На противоположном фланге находится Ангела Меркель – федеральный канцлер государства, экономически связанного с Россией гораздо больше, чем любое другое государство в ЕС. Какова будет общая позиция Евросоюза, покажет очередной его саммит, который состоится в июне. В сложном переплетении российско-украинско-европейско-американских отношений ничего не определилось в той степени, которая позволила бы дать хотя бы приблизительный прогноз. Ситуация исторической развилки: направо пойдешь... налево пойдешь... прямо пойдешь... Это относится и к отношениям между Россией и Евросоюзом. Сделан маленький шаг от конфронтации, он потворствует нашей надежде, которая, как известно, умирает последней. Дело в том, что объективно Россия и ЕС остаются стратегическими партнерами. Надолго и всерьез, потому что они взаимозависимы и в экономике, и в геополитике. Но даже при самом благоприятном сценарии событий в Украине и вокруг нее путь к восстановлению приемлемого уровня доверия, необходимого для нормальных деловых отношений, для стабильного практического сотрудничества будет не быстрым и не простым. О более амбициозной перспективе загадывать пока не будем.

¹ <http://www.unian.net/politics/925921> 05.06.2014

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА – ПРИДНЕСТРОВЬЕ – РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Алла Язькова,

*профессор, зав. Отделом Черноморско-Средиземноморских исследований
Института Европы РАН*

После обострения зимой 2013–2014 г. российско-украинского конфликта и особенно после изменения статуса Крыма многие эксперты и по-

литики заговорили о том, что крымский сценарий может быть реализован также и в Приднестровье – расположенной за Днестром части

Республики Молдова. И хотя официальные представители России неоднократно подчеркивали необходимость «сохранения территориальной целостности Молдовы при обеспечении особого статуса Приднестровья», глава приднестровского МИД Нина Штански, имея в виду «крымский сценарий», заявила в апреле 2014 г., что «Приднестровье заслуживает право быть признанным», а лидер непризнанной ПМР Евгений Шевчук напомнил о референдуме 2006 г., когда большая часть принявшего в нем участие электората высказалась за независимость¹.

Открытый конфликт между остальной частью Молдавии и Приднестровьем возник еще на этапе распада СССР и был спровоцирован подъемом в конце 1980-х годов молдавских национальных движений, сплотившихся вокруг созданного тогда же Народного фронта, лидеры которого выступали за скорейшее сближение с этнически близкой молдаванам Румынией. В отличие от других такого же рода конфликтов противостояние правого и левого берегов Днестра не было обусловлено ни межэтническими, ни конфессиональными противоречиями. И в том, и в другом случае подавляющая часть населения считает себя православными. И для собственно Молдавии, и для Приднестровья характерным был смешанный состав населения – преимущественно молдаване, русские, украинцы, хотя на левобережье постепенно увеличивался удельный вес славянского населения, а в самое последнее время около 1/3 приднестровцев получили российские паспорта.

Оценивая более глубокие истоки конфликта, можно указать на наличие его исходных исторических предпосылок: Приднестровье никогда не входило ни в средневековое княжество Молдова, ни в Бессарабскую губернию, образованную в 1812 г. после присоединения междуречья Прута и Днестра (Бессарабии) к России. Но после вхождения Бессарабии в 1918 г. в состав королевской Румынии на территории Советской Украины была в 1924 г. образована Молдавская АССР со столицей в городе Тирасполь, ставшая после Второй мировой войны частью Молдавской ССР. Когда же на этапе распада СССР стали обсуждаться перспективы эвентуального объединения Молдавии с Румынией, 2 сентября 1990 г. на съезде депутатов всех уровней в Тирасполе была провозглашена Приднестровская Молдавская Республика, отношения которой с Республикой Молдова, частью которой она de jure остается, до сих пор окончательно не урегулированы.

Нельзя также недооценивать и наличие экономических противоречий между основной частью Республики Молдова и Приднестровьем. На всем протяжении своей истории Молдавия (Бессарабия) была аграрной провинцией Российской империи, а затем королевской Румынии, и этот ее характер сохранился в годы советского режима. Что же касается Приднестровья, то этот район формировался как промышленная зона республики, не говоря о значении Дубоссарской ГЭС, снабжавшей электроэнергией не только Молдавию, но и страны ближнего зарубежья.

В политическом плане Приднестровье всегда имело достаточно тесные связи с советским, а затем российским Центром. Что же касается российско-молдавских отношений, то их современной основой стал целый ряд заключенных на протяжении последних двух десятилетий нормативных актов. В декабре 1991 г. состоялось взаимное признание России и Молдавии в качестве независимых государств, и уже 6 апреля 1992 г. между ними были установлены дипломатические отношения. Базовый политический договор о принципах межгосударственных отношений РСФСР и Молдавской ССР, заключенный еще 22 сентября 1990 г., был дополнен подписанным 10 февраля 1995 г. Протоколом, где особо акцентировались права принадлежащих к национальным меньшинствам лиц «свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную и языковую самобытность».

Особыми предметами российско-молдавских переговоров были: условия пребывания на территории Приднестровья Оперативной группы российских войск, определение статуса Приднестровья, проблемы торгово-экономического сотрудничества между Россией и Молдавией. В дальнейшем Россия наряду с Украиной и представителями миссий ЕС и ОБСЕ в Кишиневе и Тирасполе активно участвовала в многосторонних переговорах по урегулированию приднестровского конфликта и определению статуса Приднестровья.

Россия стала инициатором подписания 8 мая 1997 г. в Москве Меморандума «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем», в котором содержалось предложение о создании «общего государства». Дальнейшие переговоры были заблокированы попытками определить юридический смысл этого понятия, в результате чего стороны так и не подошли к обсуждению вопроса о разграничении полномочий между Кишиневом и Тирасполем.

¹ <http://regnum.ru/news/178976/html>

В ноябре 2003 г. Россия вновь выступила с инициативой урегулирования конфликта, получившей известность как «Меморандум Козака» (полное название документа – «Меморандум об основных принципах государственного устройства объединенного государства»), где была предложена федерализация Молдовы и предоставление федерального статуса Приднестровью и Гагаузии. Несмотря на возражения внутренней оппозиции, Меморандум был первоначально одобрен президентом В. Ворониным, однако его подписание не состоялось, а молдавское руководство объявило, что федерализация Республики Молдова без одобрения парламента и согласования с общеевропейскими институтами представляется преждевременной. Визит российского президента в Кишинев был в последнюю минуту сорван, а отношения России с Молдавией – надолго заморожены. Между Москвой и Тирасполем вскоре было подписано соглашение «О перспективах сотрудничества российского и приднестровского бизнес-сообществ», положившее начало массивному экономическому вторжению российского бизнеса в Приднестровскую республику.

Обострение российско-молдавских отношений перенесло центр тяжести обсуждения приднестровского конфликта на региональное поле. В дело вступили Украина и Румыния. Предложения Украины, впервые схематично представленные на саммите ГУАМ¹ в Кишиневе 22 апреля 2005 г., а затем преобразованные в «План Ющенко», хотя и подверглись критике за некоторые явные ошибки и просчеты, были на региональном уровне одобрены в качестве «нового подхода к урегулированию приднестровского конфликта» и более глубокого вовлечения «влиятельных международных игроков в процесс урегулирования»².

Практические выводы и предложения экспертной группы отражали настроения молдавской оппозиции, но не были поддержаны правящими кругами Молдавии и президентом В. Ворониным, который понимал ту угрозу для экономики Молдавии, которую таило в себе неизбежное в этих условиях ухудшение отношений

с Россией. К тому же в Молдавии внимательно следили за ходом разрешения конфликта вокруг Косова и возможной реакцией на обретение им независимости в постсоветских автономиях. Поэтому в январе 2008 г., после консультаций, проведенных в Брюсселе на уровне Еврокомиссии, руководства ОБСЕ и НАТО, В. Воронин отправился в Москву, чтобы выяснить позицию российского руководства по приднестровской проблеме в случае признания независимости Косова.

Одновременно им было предложено распространение торговых преференций Евросоюза на Приднестровье, а также – что было важным для России – продление мандата на пребывание там российского миротворческого контингента. После этого при поддержке Москвы состоялась встреча В. Воронина с приднестровским лидером И. Смирновым, а затем в Брюсселе встретились спикеры парламентов Молдавии и Приднестровья, Мариан Лупу и Евгений Шевчук. В той или иной форме в Кишиневе заговорили о закреплённом в Конституции нейтральном статусе Молдавии, не допускающем ее участия в военных блоках, при этом подчеркивалось, что отказ от вступления в НАТО – прямой путь к урегулированию территориальной целостности при содействии России.

По мнению ряда экспертов, подтверждение В. Ворониным нейтрального статуса Республики Молдова оказалось шагом «революционным в своей прагматичности». Дальнейшие события, однако, показали, что судьба все еще далекого от своего завершения переговорного процесса будет определяться множественными факторами, выходящими за рамки непосредственных отношений между Кишиневом и Тирасполем. Подписание предложенного Москвой в марте 2009 г. по итогам трехсторонней встречи президентов России, Молдавии и Приднестровья соглашения было обусловлено предоставлением каждой из сторон определенных гарантий и преференций. В. Воронин надеялся на получение российского стабилизационного кредита, а также гарантии территориальной целостности республики. Тогдашний президент Приднестровья С. Смирнов добивался очередного подтверждения сторонами договоренности о неприменении силы в решении приднестровского конфликта, а также получении отсрочки выплаты долга Газпрому, который составлял 1,8 млрд долл. Российской стороне после российско-грузинского вооруженного конфликта 2008 г. важно было доказать свою решимость и готовность способствовать разрешению такого рода конфликтов мирным путем.

¹ ГУАМ – группа стран СНГ, имеющих свои особые интересы (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова).

² Трехсторонний план решения приднестровского вопроса. Аналитический документ, разработанный молдово-украино-румынской экспертной группой. Бухарест-Кишинев-Яссы. Январь 2006, с. 11–16.

Итогом трехсторонней встречи стало подписание совместного Заявления, содержащего констатацию существующего положения на переговорах по Приднестровью: намерение продолжать переговоры с привлечением экспертных групп; важность существующего формата 5+2 (Кишинев и Тирасполь, а также Россия, Украина и ОБСЕ как посредники, ЕС и США как наблюдатели). Особое внимание привлек последний пункт Заявления, где стороны отметили стабилизирующую роль нынешней российской миротворческой операции и одновременно признали «целесообразность ее трансформации в мирогарантийную операцию под эгидой ОБСЕ по итогам приднестровского урегулирования» (выделено нами. – *Авт.*).

Сразу же после завершения встречи С. Смирнов в интервью российским СМИ заявил об отказе от любого формата объединения с Молдовой в рамках одного государства и, соответственно, о невозможности иного урегулирования, кроме подписания межгосударственных соглашений двух равноправных государств. В этом случае, по его мнению, отпал бы вопрос и об обсуждении статуса Приднестровья, и о трансформации миротворческого контингента.

Что же касается Кишинева, то значительная часть молдавских политиков уже тогда предпочитала продвижение по пути евроинтеграции, и в этом находила поддержку со стороны Украины в пользу признания территориальной целостности Молдовы (включая Приднестровье) и совме-

стного с ней определения европейского вектора развития. А это, в свою очередь, означало наступление принципиально нового этапа урегулирования приднестровского конфликта.

Поиск новых подходов к разрешению конфликта между Кишиневом и Тирасполем представляется важным для поддержания стабильности в восточной части Европы в условиях продолжающегося кризиса вокруг Украины. Не говоря уже о том, что разрыв нормальных отношений с Приднестровьем наносит ущерб экономике Молдовы. Занимая лишь 12% территории страны, ПМР обладает рядом неоспоримых преимуществ. Она имеет выход к Черному морю через Днестровский лиман, на ее территории, в силу принятой еще в СССР практики размещения производительных сил, был сконцентрирован промышленный потенциал республики. Повышению значимости Приднестровья способствует ее развитая инфраструктура – через ее территорию проходят две международные железнодорожные магистрали, три магистрали газопровода, две автодороги международного значения.

Из всего сказанного следует, что неразрешенный приднестровский конфликт тормозит экономическое развитие не только Молдовы, но и всего Восточно-Европейского региона в целом. В процессе его регулирования могли бы быть найдены новые подходы к разрешению как уже существующих, так и потенциальных конфликтов в восточной части Европы.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА НА ПОСТЪЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1992–2014 гг.

Сергей Романенко,

доцент РГГУ, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Рубеж 1980–1990-х годов войдет в историю Европы и всего человечества как время распада Ялтинско-Потсдамской системы, национальных и социальных революций в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Пер-

вые означали распад трех многонациональных социалистических федераций – СССР, СФРЮ и ЧССР. Вторые, в отличие от 1917 и 1945–1948 гг., – прекращение коммунистического эксперимента. Государства и общества начали пере-

ход от плановой экономики к рыночной, от народовластия к парламентаризму, к демократизации, освобождению от наследия коммунистической идеологии и режимов личной власти.

Одним из ключевых вопросов, поставленных историей перед тремя вышеназванными государствами, был следующий: возможно ли было сохранить многонациональное государство в случае социальных реформ, и если да – то каким путем: политикой унитаризма, централизации, мобилизации и насилия (одно из средств – «победоносная война») или демократизацией, либерализацией, признанием полиэтничности, прав этнических коллективов наряду с общегражданскими правами?

Процесс национального самоопределения народов Югославии независимо от их статуса приобрел максималистский, национально-революционный характер. Ни одно национальное движение не видело возможности самоопределения своей нации в рамках единого государства, каким бы ее устройство ни было. Единственной целью стало создание полностью независимых суверенных государств. Второй вопрос – на каких территориях и в каких границах. Принцип совпадения этнических территорий и территории государства стал идеологической и психологической причиной возникновения войны в процессе распада СФРЮ. Сербское руководство (прежде всего, Слободан Милошевич) выступало за полное совпадение сербских территорий (части Славонии и части Далмации в Хорватии) и Боснии и Герцеговины. Руководство других республик выступало за сохранение внутренних границ между федеративными республиками титовской Югославии, поскольку они в основном обеспечивали единство этнических и политико-административных территорий (Хорватия – Босния и Герцеговина).

Одной из главных задач вновь созданных государств, а это были объявившие о своей независимости бывшие союзные республики – стало обретение и легитимация ими своего полного суверенитета, как внутреннего, так и внешнего. Новая центральная власть должна была обеспечить свое верховенство над всеми другими конкретными формами и проявлениями власти на всей территории новых государств, обеспечить унификацию, единение, самоопределение и функционирование административной системы.

На втором этапе на первый план вышла проблема самопровозглашенных этнических государств – Республики Сербская Краина в Хорватии, Республики Сербской, Хорватской Рес-

публики Герцег-Босна и Западной Боснии в Боснии и Герцеговине. Одной из главных задач этих образований было присоединение, соответственно, к Сербии и Хорватии, издавна считавших Боснию и Герцеговину своей этнической территорией, которая должна была стать и государственной.

18 ноября 1990 г. в Боснии и Герцеговине прошли первые многопартийные выборы. Победа на выборах под демократическими лозунгами не принесла желаемого результата. Национальные партии победили, Скупщина оказалась разделенной, что и предопределило – в условиях отождествления национальной принадлежности с политической ориентацией – господство центробежных тенденций.

Согласно теории государства и права, элементами государственности являются: территория, население, суверенная и эффективная государственная власть и непосредственное подчинение международному праву. 19 декабря 1991 г. было принято решение о создании «хорватской общности» Герцег-Босна. В нее входили 30 общин, которые рассматривались основателями «общности» как этническая хорватская территория, поскольку хорваты составляли в них большинство населения. Герцег-Босна должна была быть не общностью населения входивших в нее общин без различия национальной принадлежности, а общностью всех хорватов, проживавших в Боснии и Герцеговине. Такой подход был абсолютно неприемлем для других народов республики. Он привел бы к изменению этнической структуры, и возникал вопрос о судьбе и правах хорватов, проживавших на территориях, где они находились в меньшинстве (например в Сараеве). 28 августа 1993 г. была провозглашена Хорватская Республика Герцег-Босна. Естественно, все это время шло формирование органов государственной власти, однако никаких последствий это не имело, поскольку само существование данного образования противоречило и конституции Боснии и Герцеговины, и международному праву. Хорватскую Республику (ХР) Герцег-Босна не признало ни одно государство, кроме Республики Хорватия при президенте Франьо Туджмане, выступавшем в тот момент за раздел Боснии и Герцеговины между Хорватией и Сербией с объединением соответствующих территорий с их национальными государствами. Столицей Герцег-Босны был Западный Мостар – город, где шли ожесточенные бои между хорватами и боснийскими мусульманами. Герцег-Босна просуществовала до 18 марта 1994 г.,

когда в Вашингтоне было подписано соглашение между ХР Герцег-Босна и Республикой Босния и Герцеговина. Таким образом была создана Федерация Боснии и Герцеговины. В Дейтоне 21 ноября 1995 г. было парафировано Соглашение о прекращении войны в Боснии и Герцеговине в границах федеративной республики, входившей в состав СФРЮ. Оно официально было подписано (в том числе и министром иностранных дел России А. Козыревым) в Париже 14 декабря 1995 г. После этого надежды хорватов Боснии и Герцеговины на создание собственной этнической государственности на этой территории стали на тот момент неосуществимыми.

Иной была судьба сербского этнотерриториального образования в Боснии и Герцеговине – Республики Сербской. Президент Республики Сербия в составе Союзной Республики Югославия Слободан Милошевич, так же как и Ф. Туджман, выступал за раздел БиГ по этнонациональному принципу, без участия боснийских мусульман, с возможным последующим присоединением сербских территорий к Сербии. 25 октября 1991 г. была создана Скупщина сербского народа Боснии и Герцеговины, а через четыре месяца, 28 февраля 1992 г., была принята и конституция самопровозглашенной Республики Сербской Боснии и Герцеговины со столицей в сербской части Сараево Пале (впоследствии ею стал г. Бая Лука). Но и это государство также не было признано никем в мире, кроме Белграда. Однако по Дейтонско-Парижскому соглашению 1995 г. РС стала одной из двух внутренних субъектов БиГ. Проблема этого единственного на постъюгославском пространстве государства на данный момент заключается в том, что дейтонская система, позволившая в свое время прекратить кровопролитную войну, стала постепенно устаревать. Однако реформировать ее, по крайней мере пока, оказалось невозможным. Для этого необходимо, во-первых, добиться согласия мусульман, сербов и хорватов. Неоднократно проводившиеся в дейтонской БиГ выборы на различных уровнях так и не привели к межнациональному консенсусу и остались мирной формой этнонационального противостояния. Во-вторых, необходимо обеспечить сотрудничество на этом направлении между Россией и ЕС/США. А в свете событий начала 2014 г. неизвестно, какое из этих двух условий труднее реализовать.

Третий вариант попытки создания непризнанной этнонациональной государственности осуществлялся в Хорватии. В апреле-мае 1990 г.,

как и в БиГ, в Хорватии прошли свободные многопартийные выборы, победу на которых одержала антикоммунистическая националистическая партия Хорватский демократический союз Франьо Туджмана. 25 июля Сабор (парламент) Хорватии принял поправки к Конституции и решение о замене государственной символики. В этот же день проходивший в городке Срб съезд сербов (при активном участии Сербской демократической партии), приняв Декларацию о суверенитете и автономии сербского народа, создает «Сербское национальное вече». 24 августа 1990 г. Сабор Хорватии принял резолюцию о защите конституционного строя и о национальных правах в Хорватии. В августе ряд инцидентов положил начало «восстанию сербов» в Крайне. 21 декабря 1990 г. было провозглашено создание «Сербской автономной области Крайна», а 1 апреля 1991 г. ее правительство заявило об отделении от Хорватии и присоединении к Сербии. РСК состояла из двух изолированных друг от друга частей, объединить которые так и не удалось.

За обострение хорватско-сербских противоречий несут ответственность обе стороны: Загреб – из-за нежелания удовлетворить вполне обоснованные требования соблюдения равенства и гражданских прав, детерминированные в том числе и политической целесообразностью; Белград – вследствие поддержки, оказанной сепаратистам, использования агитаторов, пропагандировавших отделение от Хорватии районов, где проживало сербское население (даже тех, где оно составляло меньшинство). Действия не только хорватских, но и сербских властей противоречили Конституции СФРЮ, защитниками которой стремились выставить себя С. Милошевич и его окружение. Участники акций требовали – в ответ на изъятие из Конституции Хорватии положения о сербском языке как о языке сербов в Хорватии – равноправия сербов, проживавших в Хорватии, как этнической общности, обладающей политическим статусом и выполняющей «государствообразующую» функцию. На это хорватская сторона согласиться не могла и не хотела.

Поэтому сербское национальное движение в Хорватии, вернее, в тех областях, где сербы составляли либо этническое большинство, либо значительную часть населения, почти сразу встало на путь создания не только политических организаций, но и новых – национальных – органов власти. При этом идея сохранения югославской государственности увязывалась с идеей создания

моноэтничного сербского национального государства, которое охватывало бы все территории распадавшейся СФРЮ, на которых проживали сербы.

С юридической точки зрения война закончилась подписанием в г. Эрдут 12 ноября 1995 г. мирного договора. Однако этому предшествовало военное решение проблемы Республики Сербская Краина. После неудачной попытки со стороны международных посредников добиться предоставления сербскому населению, проживающему на территории РСК, значительной автономии (План Z-4, март 1994 г.) 1–4 мая и 4–7 августа 1995 г. хорватская армия силой восстановила территориальную целостность страны, что повлекло за собой значительные жертвы со стороны сербского населения и его отток в Сербию. (Напомним, однако, что когда при непосредственной помощи Белграда в 1991–1992 гг. создавалась РСК с целью ее отторжения от Хорватии, многочисленные жертвы были со стороны хорватского населения, и многие хорваты на долгие годы стали беженцами.)

В случае распада СФРЮ поднимался вопрос о сепаратизме или сецессии – выходе федеративных республик из состава федерации. Однако право на самоопределение было предусмотрено Конституцией СФР. В то же время не был прописан механизм реализации этого права, не говоря уже о том, что власти социалистической Югославии и лично И.-Б. Тито рассматривали любую попытку не то что выйти из состава государства, но и добиться повышения уровня национального самоопределения и иной его формы как враждебную социализму «контрреволюцию». В результате под лозунгами антикоммунизма и национальной демократии в Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговине начался развал республики и подавление демократии.

Все вышеописанные случаи – попытки создания новых этногосударственных образований и их объединения с родственными государствами (ирредентизм) – были последствиями первого процесса самоопределения и этнического и территориального размежевания трех славянских народов. Случай Косова представлял собой попытку придания статуса национального суверенного независимого государства бывшей автономии в рамках федеративной республики в составе СФРЮ. Это и было Косово. Однако национальное движение албанцев Косова не ставило своей целью присоединение Косова к Албании. Завершающий этап процесса национального самоопределения в Косове, который также мож-

но охарактеризовать как сепаратистский (не вкладывая в этот термин, как, впрочем, и в термин «национализм» никакой изначально негативной коннотации) – начался в 1999 г. во время Косовского кризиса и последовавшего за ним военного вмешательства НАТО. Он характеризуется столкновением нескольких «незыблемых», но противоположных принципов. С одной стороны, – суверенитет, территориальная целостность, нерушимость границ, невмешательство во внутренние дела, с другой – национальное самоопределение, гуманитарная интервенция, управление территориями ради предотвращения новых и ликвидации старых конфликтов. Одним из отличий конфликта в Косове было то, что он возник в процессе самоопределения этнически неродственных народов. Обострение отношений в Косове в конце 80-х годов XX в. было первым актом в драме распада Югославии. Именно эти события позволили начинавшему свою стремительную карьеру С. Милошевичу развернуть политическую кампанию, основанную на сербском радикальном этническом национализме.

В 1990 г., в момент начала распада СФРЮ, политиками-косоварами была принята Декларация о независимости. Была принята и Конституция Республики Косово, в тот момент так никем и не признанной. Постепенное признание пришло позднее, после трагических событий 1999 г. в Косове, Сербии и Черногории. 17 февраля 2008 г. парламент Республики Косово, непризнанный Сербией, в одностороннем порядке объявил независимость.

При этом Косовский кризис 1999 г. стал труднейшим испытанием для всей системы международных отношений, едва не поставив мир на грань войны. Формально – войны за «сербское наследство». Но «постъюгославский кризис» стремительно превратился в региональный и грозился приобрести глобальный характер. И Москва, и Вашингтон, и Брюссель вольно или невольно оказались заложниками политики, которую вел тогдашний президент СРЮ С. Милошевич, поставив на карту судьбу не только собственного народа, но и всего мира. Было бы, однако, несправедливым возлагать ответственность за это только на сербских националистов, а также их врагов из Армии освобождения Косова – националистов албанских. То, что и начало Косовского кризиса, и его завершение едва не привели к военно-политической конфронтации между НАТО и Россией, лежит и на совести наиболее радикальной и консервативной части военно-политических элит этих стран, по-прежнему вдохнов-

лявшихся воспоминаниями о холодной войне и руководствовавшихся ее стереотипами.

Случай Косова оказался единственным примером успеха самопровозглашенного этнонационального образования – международным признанием со стороны более половины государств мира. На данный момент о его полном официальном признании заявили 106 стран из 193 государств – членов ООН.

Многообразные попытки изменения внутренних границ и изменения политико-государственного статуса территорий, которые тот или

иной народ (нация) считают «своими» и отрицают права граждан другой национальности, позволяют сделать вывод: независимость и (или) присоединение к другому государству – это не «золотой ключик», который распахнет дверь в безоблачное светлое будущее... Опыт России, да и стран Центральной и Юго-Восточной Европы, вот уже более 20 лет свидетельствует о том, что постсоциалистическая трансформация представляет собой чрезвычайно сложный, многоаспектный и длительный процесс¹.

¹ Косово: прошлое, настоящее, будущее. – СПб.: Алетей, 2001. – С. 7–8.

Бюллетень публикуется ИНИОН РАН, Центром по изучению проблем европейской безопасности с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик Ю.С. Пивоваров

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д.п.н. А.И. Никитин

К.и.н. А.В. Загорский

Главный редактор – к.и.н. Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова